

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ГЛУБОКОЙ ОППОЗИЦИИ

Встреча с Вячеславом Пьецухом

«Испокон века наша литература только тем и занималась, что воспитывала недовольного гражданина», — обмолвился в одном из своих сочинений Вячеслав Пьецух. Может быть, не стоит принимать его замечание за чистую монету, ибо Пьецух — писатель насмешливый и запросто разыграет доверчивого читателя. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что произведения самого Пьецуха вряд ли нацелены на возбуждение гражданского недовольства. Герои его рассказов, повестей, романов «Предсказание будущего» и «Новая московская философия» — люди, как правило, мирные, без амбиций, которые как-то ухитряются пребывать в гармонии с окружающей их не совсем красивой действительностью. Даже персонажи его сатирической хроники «История города Глупова. Новые и новейшие времена» (откуда и почерпнута сентенция насчет литературы) не слишком ропщут, постоянно испытывая «один дефицит на все за исключением дураков».

Работает Вячеслав Пьецух, по его словам, равномерно, как электростанция, каждый день (за исключением понедельника) пишет по полторы страницы. В этом году «Дружба народов» печатает его большой рассказ «Гаданье на кофейной гуще», а «Новый мир» — несколько мелких. «Я уже настолько обнаглел, — добавляет Пьецух, — что не представляю себе года без «Нового мира».

О своем жизненном пути в предисловии к последнему сборнику «Я и прочее» автор не сообщает ничего омрачающего душу: не был бездомным, не голодал, не холодал, его не преследовали органы, не обижала цензура, словом, баловень судьбы, «в той, конечно, мере, — уточняет писатель, — в какой это возможно у нас в России».

— Но у нас в России принято, что литератор должен страдать, прежде чем он предъявит обществу плоды своих наблюдений.

— Наверное, должен, — отвечает Вячеслав Пьецух, — но у меня это как-то не получалось. Я считаю, что жизнь — это такая константа, которая зависит исключительно от меня. При любом режиме никто не в состоянии мне помешать. Я был свободен при Брежневле, при Андропове, когда цензура особенно сурово существовала. Я писал все, что хотел, а они были свободны меня не печатать. Правда, какие-то внешние вещи у меня выходили.

— Стало быть, вы видите по тем же принципам, что в ваши герои, довольствуясь внутренним миром и приспосабливаясь к любому окружению? Конформизм как способ существования?

— Называйте так, но в сущности это глубокая оппозиция. Мне кажется, это вообще национальное наше не качество даже, а благоволение Господне — умение уходить в глубокую оппозицию, не

занимать смешную политизированную позу и при этом жить содержательно, пристойно, полезно, безвредно.

— Однако же вы задаетесь вопросом, почему городом Глуповым всегда командовали дураки и несли и почему глуповцы с этим мирятся, а то и вели себя так, что никто иной ими и не мог руководить?

— Дело-то не в том, что не надо бороться с дураками и негодяями, а в том, как показывает история, что всякая политическая конфронтация, всякий революционный процесс кончатся тем же, с чего начинались: одна форма тирании меняется на другую, только иного качества. Если сановное самодержавие было плохо, то самодержавие сановника оказалось гораздо хуже.

— Но ведь скоро тирания не изымает, что вы предлагаете: мириться с нею?

— Во-первых, самое дурное мы уже пережили — восточную деспотию. Истинная революция в моем представлении — это эволюция, когда каждый человек отвечает за себя сам. Если на следующей неделе мы все станем порядочными людьми, это будет революция. Но поскольку надежды на это мало, остается уповать на эволюцию. Моя позиция, наверное, мало интересна и не характерна, сейчас все как-то за страну переживают. И по-прежнему никто не хочет работать. Но я знаю, что удобнее всего отстаивать свои права — на рабочем месте, для меня, в частности, — с пером в руках. Когда Пинчоветт пришел к власти в Чили, Маркес объявил забастовку, отказался писать — и насмешил весь культурный мир.

— Может быть, у вас гражданское чувство...

— Атрофировано? Не думаю, нет. В юности мы все чуть ли не до детальной истохи были отравлены идеалами.

— Это вы о «лучезарном завтра»?

— Да, и чтобы оно наступило в ближайший понедельник. Я о многом передумал до 1985 года, у меня сердце изболелось за Россию. Хотя тот год очень круто меня перевернул. Я ведь учитель по образованию, а уж это такая самоцензура... При детях лишнее слово — политический разврат.

Но я до сих пор ловлю себя на том, что продолжаю оставаться коммунистом.

— Вы член КПСС?

— Никогда не был. Эта партия может называться как угодно, только не коммунистической. Но всякий здравомыслящий человек должен согласиться, что развитие общества неминуемо приведет к такой его организации, когда личностная жизнь будет устроена максимально благово. Что меня укрепляет в этом убеждении, так это ростки коммунизма в оголтело капиталистических странах. Не социализма, социализм там уже построен.

— Но что вы называете коммунизмом?

— Коммунизм — это кто не работает, тот ест.

— За счет тех, кто работает?

— Да, за счет сильных. Сильные содержат слабых.

— Если у вас сердце изболелось за Россию, как бы вы объяснили, что в стране, где до 1917 года не прерывалась связь времен, создавалась великая гуманный литература, кололалась знония во всех церквях, вдруг все рухнуло в одночасье?

— Это предмет для целого философского исследования, а вы хотите, чтобы я ответил ним же и так. Я не могу этого объяснить. И рухнула-то все не горстка большевиков, их было мало, а тот самый народ, который до 1917 года пап с мамой водили к обедне. Понять это я решительно не в состоянии.

— Не потому ли, описывая новейшую нашу историю, вы прибегаете к спасительной проици?

— Если человеку причинить нестерпимую боль, допустим обмахнуть палец в азотную кислоту, он может не кричать, а криво улыбаться, смеяться, у него не хватит энергии среагировать адекватно. Юмор — такая же реакция на столкновение с жестокими реалиями бытия.

— Тем не менее один из героев вашей «Новой московской философии», мучительно улыбаясь, формулирует для будущего России положительный итог, считая, что нашему обществу выпала миссия дальнейшего нравственного строительства. Это и есть новая философия?

— Ну никакая это не новая и никакая не философия. Я решительный традиционалист, стою и стою на том, что исповедовали отцы русской художественной мысли. Хотя я ничего не знаю глупее глоточеских строк: «Умом Россию не понять», мое отношение к ней все же выражается глаголом «верить». Я долго, очень настойчиво и прилежно думал на эту тему и вывел уравнение, что Россия — страна очень крушуй культурной

силы. Уж больно мы культурная нация. Даже не по заслугам.

— Очень много писателей?

— Даже слишком. Сейчас любят говорить о том, что литература коачается, но я читал, что в конце прошлого века утверждали то же самое: настал литературный апокалипсис. Может быть, нам просто этого хочется: как это — сахар по талонам, а книги свободно? В современной литературе прекрасные есть имена, а вот графоманы действительно писать перестали. В журналах практически нет почты. Любители сочинять наконец нашли себе дело: они спокойно прорываются в политику.

На Западе к нашей культуре относятся с большим почтением, и это избавляет нас от комплексов, которые мы уже успели нажить — чуть ли не внутреннее психическое состояние туарега. Европейский культурный центр, который возглавляет президент Гавел, доверил России выпустить свой художественный журнал «Золотой век», должен выйти первый номер. Фантастический номер!

Еще одно обстоятельство в пользу России. Вроде бы чепуха, но у нас необыкновенно высок процент красавиц. Для кого-то это демографический фактор, для кого-то эстетический, а для меня намек: если в стране каждая четвертая женщина — красавица, из этого обязательно должно что-то вытекать.

— Писатели и красавицы еще как бы не весь народ.

— Главная черта этого народа состоит в том, что у него есть все. Русский национальный характер включает в себя все мысленные и немисленные человеческие свойства. Никто не сказал гениальнее о русском народе, чем Достоевский устами Ивана Карамазова: «Широк, слишком широк человек, а бы сузок».

— Но мы установили, что этот широкий человек большей частью пребывает в глубокой оппозиции ко всему. Как вы думаете, сумеет ли он из нее выйти, если обещания нам хозрасчетная свобода станет риа и жизнью?

— Без рыночной экономики и полного набора тех данностей, что обусловлены слабостями человека, нам не выжить. Ну, не способен человек работать из-под палки, никакое социальное не поможет, спасет только жесточайшая конкуренция.

Страшно любопытно посмотреть, сумеет ли русский мужик переоборудовать свой духовный организм, приспособиться к новым условиям? Я думаю, сможет. Мог же раньше. До революции у нас и полиграфия была отличная, и по машиностроению вышли на второе место в мире.

— Так что же случилось в 1917 году?

— Я целый роман написал об этом — «Заколдованная страна». Поставил целью переложить человеческим языком историю от Гостомысла до Петра I, чтобы ответить на очень простой вопрос: почему мы такие нищие. Начелся на открытие, а пришел к самым банальным выводам.

— И кто нас заколдовал?

— Поверите ли? История с географией.

Беседу вел
Ольга МАРТЫНЕНКО.
Фото Олга ИВАНОВА.